

PETER ACKROYD

ALFRED
HITCHCOCK

ПИТЕР АКРОЙД

АЛЬФРЕД
ХИЧКОК

УДК 791.43+929Хичкок
ББК 85.374(3)6-8
А40

Peter Ackroyd
ALFRED HITCHCOCK

Перевод с английского Ю. Гольдберга
Оформление переплета и суперобложки С. Карпущина

Акройд П.

А40 Альфред Хичкок / Питер Акройд ; пер. с англ. Ю. Гольдберга. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-389-11003-8

В истории мирового кинематографа с именем Альфреда Хичкока — режиссера, продюсера, сценариста — неразрывно связан жанр триллера и понятие саспенса. Закомплексованный толстяк обладал волшебным даром, позволявшим ему обращать вечно терзавшие его страхи на пользу творчеству: Хичкок мастерски создавал в своих фильмах атмосферу тревожной неопределенности и напряженного ожидания. Странный, склонный к жестоким розыгрышам человек, в молодости испытывавший влияние немецкого и русского кино, не боялся экспериментировать и постоянно использовал новаторские, а порой и шокирующие приемы. Ровесник кинематографа, он рос вместе с ним, создавая и развивая новые жанры, от комедийного триллера до фильма ужасов и тончайшего психологического детектива. Ему довелось работать с самыми звездными актерами Голливуда, такими как Ингрид Бергман, Кэри Грант, Джеймс Стюарт, Грейс Келли. Фильмы Хичкока стали классикой мирового кинематографа, он удостоен звезды на голливудской Аллее славы, почетной награды Американского института кино, ордена Британской империи.

УДК 791.43+929Хичкок
ББК 85.374(3)6-8

ISBN 978-5-389-11003-8

© Peter Ackroyd, 2015
© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

1. Ребенок, который никогда не плакал	7
2. Я это сделаю	24
3. Звук, пожалуйста	34
4. Я был серым	56
5. Дома	82
6. Импровизируйте!	106
7. О боже	132
8. На мне стоит клеймо	144
9. Добрый вечер	169
10. Птицы и звери	200
11. Назад, к основам	233
<i>Библиография</i>	250
<i>Фотоматериалы</i>	254

1

РЕБЕНОК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПЛАКАЛ

Альфред Хичкок родился 13 августа 1899 г. в Лейтонстоуне, на втором этаже дома номер 517 по Хай-роуд, над лавкой отца. В то время Лейтонстоун был тихим, сонным пригородом, изнемогавшим от зноя летом и мрачным зимой. В нем чувствовалась какая-то заброшенность, наследие тех времен, когда это была просто деревушка на римской дороге, ведущей в Лондон. Лейтонстоун находился в восьми километрах к северо-востоку от Лондона и в то время, когда родился Хичкок, официально входил в состав Эссекса, но огромный, ревущий Лондон уже приблизился к нему вплотную. В 1856 г. построили Большую восточную железную дорогу, и Лейтонстоун превратился в «спальный» пригород, где жили довольно обеспеченные люди, которые каждое утро отправлялись на работу в Сити и его окрестности.

Уильям Хичкок был зеленщиком, и в его лавке продавались всевозможные фрукты и овощи, от капусты до репы. Лавка стояла на оживленной магистрали, и мимо непрерывным потоком проезжали кареты и повозки; аромат зреющих бананов и отдающий пылью и плесенью запах картошки смешивались с резкой вонью конского навоза. Пропитавший все вокруг навозный запах стал ощущаться еще сильнее после прокладки в 1906 г. электрического трамвая — об этом событии у Хичкока остались яркие воспоминания.

нения. На одной из фотографий того времени Хичкок запечатлен вместе с отцом у дверей их лавки, вероятно в недавно учрежденный День империи; мальчик сидит на лошади, на которой, вне всякого сомнения, привезли товар с рынка Ковент-Гарден. Уильям Хичкок был успешным предпринимателем, и его бизнес вскоре расширился. Хичкок рассказывал кому-то из биографов: «Я помню, что отец ходил на работу в темном костюме, ослепительно-белой крахмальной рубашке и темном галстуке». По крайней мере в этом сын пошел по стопам отца. Уильям Хичкок был также очень нервным человеком и страдал от разного рода невралгических симптомов, в том числе от дерматита.

Судя по воспоминаниям современников, Эмма Хичкок отличалась элегантностью, аккуратностью и чувством собственного достоинства; подобно большинству домохозяек из низов среднего класса мать Хичкока очень любила мыть и чистить все в своем доме. Кроме того, она отлично готовила, и это занятие доставляло ей огромное удовольствие.

Хичкок утверждал, что, судя по рассказам матери, в младенчестве и раннем детстве он никогда не плакал. Тем не менее он вспоминал свой ужас, когда одна из родственниц наклонилась к нему, лежащему в колыбели, и принялась агукать. Хичкок также отметил, что, когда ему было всего три месяца, мать пугала его; по всей видимости, оба получали от этого удовольствие. В другой раз Хичкок вспоминал себя в возрасте шести месяцев: мать говорила ему «Бу!». Даже если он никогда не плакал, чувство страха было ему хорошо знакомо.

У него был старший брат, которого назвали Уильямом в честь отца, и старшая сестра Эллен, которую все звали «Нелли», однако они не оказали особого влияния на его жизнь. Семья Хичкока была глубоко верующей и исповедовала католичество — трое из его бабушек и дедушек были ирландскими католиками. Отец называл его «мой агнец без порока», и сам Хичкок вспоминал, как в конце дня стоял у изножья кровати матери и рассказывал о всех своих успехах или неудачах — нечто вроде семейной исповеди.

Когда Хичкоку исполнилось шесть или семь лет, семья переехала в Лаймхаус. Этот район с конца XVII в. стал неотъем-

лемой частью лондонского Ист-Энда, жизнь его обитателей, около 7000 человек, была тесно связана с рекой. Юноши и мужчины обычно нанимались матросами на суда. В XVIII–XIX вв. Лаймхаус превратился в один из крупнейших центров судостроения в Лондоне. После переезда мальчик получил полное право считать себя лондонцем и даже, по общему согласию, кокни. За двадцать лет до переезда семьи в Лаймхаус там появилась китайская община, еще одно яркое воспоминание из детства Хичкока.

Уильям Хичкок расширил свой бизнес, купив две рыбные лавки на улице с говорящим названием Салмон-лейн (то есть «лососевая»); семья жила над одной из них, в доме номер 175. Улица проходила в нескольких метрах севернее бухты Лаймхаус-бейсин и Темзы, и всепроникающий запах рыбы дополнялся еще более устоявшимся запахом грязной речной воды. В 1905 г., незадолго до переезда Хичкоков в этот район, Генри Джеймс писал в путевых заметках об Англии (*English Hours*), что в районе Темзы «преобладающий цвет — черный, словно пропитанный сыростью и грязью. Река почти черная и усеяна черными баржами; над черными крышами среди бесконечных доков и бухт вздымается темный лес мачт».

Лаймхаус был грубым и шумным средоточием района, который получил название «вонючей кучи» Лондона. По берегам проходящей через него реки Ли на протяжении нескольких веков строились производства, вытесняемые на окраину города, в том числе красильни, клееварни и химические заводы. В 1812 г. Томас Де Квинси в очерке «Убийство как одно из изящных искусств» (*On Murder Considered as One of the Fine Arts*), жадно проглоченном Хичкоком, описывал Лаймхаус как «чрезвычайно опасный квартал», «гибельный район», изобилующий «всевозможной жестокостью». К тому времени, когда там поселились Хичкоки, район не очень изменился. Жалкие лавки и приземистые дома представляли собой островки человеческой бедности. Большинство лондонцев сторонились этих кварталов. В детстве Хичкока пабы здесь работали с раннего утра и до поздней ночи; за пенни в них можно было получить стакан джина или полпинты пива.

Хичкок в своих интервью редко упоминал об этом затхлом, отчаявшемся мире, но этот мир отразился в его первых английских фильмах, где на экране появляется уличная жизнь Лондона, с мюзик-холлами и пабами, кинотеатрами и уличными рынками, с энергичными и сообразительными кокни, которых так хорошо знал Хичкок.

В детстве родители называли его Элфи или Фред, но, когда мальчик вырос, появилась новое прозвище, Хич. Он мало рассказывал о своем детстве и семье, зато с удовольствием вспоминал отдельные эпизоды. Хичкок любил вспоминать об одном случае, когда отец договорился с местным полицейским, чтобы тот на две или три минуты запер сына в тюремной камере за мелкую провинность: мальчик поздно вернулся домой после одной из своих экспедиций по Лондону. Этот эпизод, вероятно, «объясняет» сохранившийся на всю жизнь страх перед полицией, а также навязчивый интерес к вопросам вины и кары. Тем не менее не совсем понятно, почему Уильям Хичкок подверг своего «агнца без порока» такому суровому для маленького мальчика наказанию. Но урок запомнился. Во всех фильмах Хичкока присутствует мотив вертикальных и горизонтальных прутьев, темные полосы теней.

Как бы то ни было, совершенно понятно, что страх был знаком Хичкоку с раннего детства. Вполне возможно, он придумал маленькую символическую драму с участием отца и полисмена, бесконечно повторяющуюся в интервью, и она служила ему чем-то вроде молитвы, призванной рассеять тьму. И все же что-то превратило его в испуганного человека, который боится осуждения и наказания. Многие объясняют это отношениями с матерью (о ней Хичкок никогда не говорил) или учебой в иезуитском колледже (что всегда подчеркивалось). Сексуальные фантазии во взрослой жизни были у Хичкока яркими и необычными, и, судя по его фильмам, он любил воображать изнасилования и убийства женщин. Хичкок говорил, что всегда следовал совету французского драматурга Викторьена Сарду «мучить женщин». Так что вполне возможно, что в детстве его обуревали желания и инстинкты, признать которые он не мог. Отсюда и страх перед миром. Хичкок

отказывался ходить в буфет студии, опасаясь, что к нему кто-нибудь обратится. Он не любил беспорядка. Он организовывал свою жизнь как военную кампанию, хотя совершенно непонятно, кого или что он считал врагом.

Ужас перед жизнью могло ослабить только воображение. Интересно, что характер Хичкока оставался неизменным. Страхи и навязчивые идеи детства преследовали его до конца жизни. В определенных отношениях он всегда был ребенком. Увлеченность сюжетами своих фильмов, сочинение череды впечатляющих сцен — все это сопровождало фантазии о нападении или личной катастрофе, мысли о которой постоянно его терзали. По крайней мере это одна часть истории.

С раннего возраста Хичкок был увлечен путешествиями и транспортом; возможно, он мечтал уехать куда-нибудь из Лаймхауса, Ист-Энда и мира у реки. Хичкок коллекционировал марки и железнодорожные расписания, билеты и другие атрибуты путешествий; в карту на стене спальни он втыкал маленькие флажки, отмечая положение океанских судов, сведения о которых получал из бюллетеня Lloyd's List; с помощью путеводителя Кука Хичкок выучил названия станций на маршрутах Восточного экспресса и Транссибирской магистрали. Когда он повторял названия населенных пунктов или задумчиво рассматривал океаны на карте, то переносился туда в своем воображении. Одновременно он дотошно записывал время отправления и прибытия, так что все билеты и расписания в его коллекции были разложены в хронологическом порядке. Даже ребенком Хичкок тщательно контролировал свои фантазии. Уже став взрослым, он держал у себя на письменном столе расписание европейских железных дорог.

Однако Хичкок не был только «диванным» путешественником. Он рассказывал, что к восьми годам уже проехал по всем маршрутам «Лондонской омнибусной компании» от начала до конца. Компания рекламировала поездки на автомобильном и гужевом транспорте. Хичкок также катался на поездах железнодорожной ветки, которая проходила от Фенчерч-стрит до Шоберинесса.

Именно здесь кроются истоки его увлечения кораблями и поездами, которое сначала проявилось в его первых немых фильмах, затем в фильме «Незнакомцы в поезде» (Strangers on a Train) и последующих. На съемочной площадке Хичкок придерживался строгого расписания; в 1936 г. в интервью The Stage он говорил: «Я должен знать, чем буду занят каждую секунду». Это кредо беспокойного путешественника.

Хичкока воспитывали в строгих традициях католической веры. В юном возрасте он был служкой в алтаре, и ему, похоже, нравился ритуал, сопровождавший мессу. Ему нравилось сладкое чувство освобождения от вины, звон колоколов и запах благовоний, возвещающие о святости, присутствующей в этом мире. В возрасте девяти лет Хичкока отдали в Салезианский колледж на Суррей-лейн в Баттерси, на противоположном берегу реки; учебное заведение было основано салезианцами дона Боско с целью дать образование «детям городской бедноты» и «стремящегося к знаниям рабочего класса». Хичкок проучился там всего неделю — вне всякого сомнения, он пришел в ужас от строгого режима пансиона и вынужденной разлуки с родителями. Затем его отдали в школу при местном монастыре, расположенную в Ховра-хаусе на Ист-Индия-Док-роуд; школой управляли монахини из ордена Верных спутниц Иисуса.

В возрасте десяти лет Хичкок перешел в колледж Святого Игнатия в Стэмфорд-хилле, где поддерживались строгие порядки ордена иезуитов, управлявших учебным заведением; девиз самого святого Игнатия звучал так: «Дайте мне мальчика, и я верну вам мужчину». В списке учеников он значился под номером 343 — «Альфред Хичкок, сын Уильяма Хичкока, торговца рыбой».

В одном из интервью Хичкок говорил, что научился у иезуитов ценностям ордена, контролю и точности; иезуиты были известны своим умением находить аргументы в спорных вопросах и доводили уклончивость до уровня искусства. Возможно, причина отчасти заключается в том, что их преследовали в Англии времен Елизаветы, причем многих казнили после пыток в Соляной башне лондонского Тауэра.

Хичкок быстро усваивал учебный материал, и обширная программа не представляла для него трудности. Ему пришлось изучать латынь, математику, физику и английский; по особым случаям приходилось учить наизусть и декламировать произведения известных авторов, таких как Лонгфелло и Шекспир. Хичкок никогда не был среди первых учеников, но обычно занимал почетное третье или четвертое место. Кроме того, всегда отмечались его успехи в математике.

Распорядок дня оставался неизменным. В 8:45 начиналась ежедневная месса на латыни, мальчики преклоняли колени перед Святыми Дарами, после чего шли на занятия. В каждом классе имелось изображение Девы Марии, перед которым стояли цветы и свечи. По пятницам ученики исповедовались, получая отпущение грехов. Три дня в году посвящались размышлениям о духовных упражнениях святого Игнатия, о семи смертных грехах и четырех событиях второго пришествия. Много лет спустя, отвечая на вопросы школьной газеты, Хичкок писал, что «во мне был укоренен католический взгляд на мир. Как бы то ни было, я родился в католической семье, ходил в католическую школу, и теперь моя совесть многократно испытывается верой». В любом случае полученное образование сформировало у него скорее религиозный, чем светский взгляд на мир, в котором тайна и чудо не менее важны, чем логика и здравый смысл.

Для католиков-ирландцев Хичкок всегда был чужим, по крайней мере в Англии. Что еще важнее, католическое образование сформировало в нем чрезвычайно ранимую совесть и трепетное чувство вины. Он боялся тела и ненавидел его. Ему были неприятны телесные отправления. После посещения туалета он мыл унитаз так, словно старался уничтожить любые следы своего пребывания. Хичкок жил духовной жизнью, изолированной и уединенной.

Священники и монахи из колледжа Святого Игнатия имели склонность к телесным наказаниям учеников, что в то время было весьма распространенным явлением в лондонских школах. Разумеется, все обстояло не так ужасно, как в Дотбойс-Холле из романа Диккенса «Николас Никльби», но все же. Дисциплина поддерживалась с помощью твердого резинового ремня; от трех ударов немела

рука, и поэтому наказание из двенадцати ударов растягивалось на два дня. Кара становилась еще более изощренной из-за того, что мальчики сами могли выбирать время порки; большинство выбирали конец дня и до самого вечера мучились в ожидании боли. Неизвестно, часто ли наказывали Хичкока, но скорее всего редко. Он испытывал сверхъестественный страх перед любым начальством, а иезуиты в своих черных одеждах, вне всякого сомнения, вызывали у него благоговейный ужас. Однажды он объяснил: «Я боялся полиции, отцов-иезуитов, телесного наказания и еще многих вещей. В этом истоки моей работы». Эта фраза имела продолжение. Хичкок говорил: «Я провел три года в школе иезуитов. Они пугали меня до смерти буквально всем, а теперь я мщу, пугая других людей».

У него было прозвище Какаду, и он не пользовался особой популярностью в школе. Сам Хичкок описывал себя как одинокого мальчика, не имевшего школьных друзей. В это легко поверить. Он был толстым, застенчивым и неловким; возможно, уже тогда проявилась его мягкость и некоторая женственность, заметная в зрелом возрасте. Хичкок также рассказывал, что от него пахло рыбой — результат соседства отцовской рыбной лавки. Такие детали мальчишки всегда замечают. Нельзя сказать, что его третировали — просто считали странным.

Хичкок сам для себя придумывал игры и играл в одиночестве. Кроме того, для близкой дружбы он был слишком обидчивым и гордым. Один журналист заметил, что он «чаще всего сидит один с видом толстого мальчика, который убежал от жестоких сверстников». В зрелые годы Хичкок, по всей видимости, ненавидел маленьких мальчиков. Однажды он до смерти напугал юного актера Билла Мьюми, когда склонился к нему и прошептал: «Если ты не будешь стоять на месте, я возьму гвоздь и прибью твои ноги к метке на полу, и кровь польется из них, как молоко».

Он наблюдал. Наблюдал за мальчиками в классе и на площадке для игр. Точно так же Хичкок вел себя в семье. «Когда собиралась вся семья, — рассказывал Хичкок одному из интервьюеров, — я тихо сидел в углу и молчал. Смотрел и все подмечал. Я всегда

был и остаюсь таким». Наблюдение — особый вид удовольствия. Оно предполагает искусство наблюдателя, который подмечает особенности людей и мест, даже разгадывает интриги и закономерности, которых не видят участники событий. Наблюдатель фиксирует этот мир. Кроме того, такая позиция дает наблюдателю чувство безопасности и даже неуязвимости. Он отделен от любых неприятных последствий. Конечно, это может привести к вуайеризму, явлению, которое часто исследовалось в фильмах Хичкока.

Наблюдение сопровождала и дополняла другая страсть. С раннего детства Хичкок стал постоянным посетителем кинотеатров. Первый фильм он посмотрел в восемь или девять лет. В те годы фильмы были короткими, всего три или четыре минуты, с такими названиями, как «Поездка на несущемся поезде» (*A Ride on a Runaway Train*) или «Кругосветные путешествия Хейла» (*Hal's Tours and Scenes of the World*). Они воплощали реализм и непосредственность нового вида искусства. Когда поезд несся на зрителей с экрана, многие в зале вскрикивали и вжимались в кресла. Сам Хичкок рассказывал, что кое-кто мог и обмочиться от волнения и ужаса. «Ничего особенного, — вспоминал он, — но зрелище было завораживающим».

Он был сверстником кинематографа, и в подростковом возрасте видел фильмы с участием Д. У. Гриффита, Дугласа Фербенкса-старшего, Гарольда Ллойда и Мэри Пикфорд. Первые немые фильмы Чаплина вышли на экраны Англии, когда Хичкоку было четырнадцать. В Ист-Энде кинотеатры по популярности стали соперничать с мюзик-холлами; в районе, где жил Хичкок, было несколько кинотеатров: *Palaceadium* на Уайт-Хорс-роуд, недалеко от рыбного магазина на Салмон-лейн, *Poplar Hippodrome* и *the Gaiety Cinema* на Ист-Индия-Док-роуд, *Ideal Picture Palace* на Минг-стрит и *Premier Electric Theatre* на Лейтонстоун-Хай-роуд.

По странному совпадению северо-восточный район Лондона, где прошло детство Хичкока, стал первым домом британской кинопромышленности; река Ли и Эппинг-Форест были подходящими местами съемки для приключенческих сюжетов. Первая специ-

ально построенная студия появилась на Уипс-Кросс, а British and Colonial Kinematographic Company находилась на Хоу-стрит в Уолтемстоу. Компания Broadwest Films, снявшая в 1916 г. «Венецианского купца» (The Merchant of Venice), располагалась на Вуд-стрит в районе Уолтемстоу, а Tiger Films заняла соседнее трамвайное депо. Сам район Уолтемстоу стали называть «английским Голливудом» — здесь находилась пятая часть всех студийных помещений страны. Так что Хичкок рос в соответствующем окружении.

С юных лет Хичкок читал газеты, посвященные кино. В киоске на Лестер-сквер он покупал The Bioscope, а также Kinematograph and Lantern Weekly. У него уже проявился, если можно так выразиться, профессиональный интерес. Вместе с родителями он также ходил в цирк, ежегодно приезжавший в парк Уонстед-Флэтс, и в мюзик-холл Stratford, репертуар которого состоял из варьете, диорам и итальянских оперетт.

У Хичкока были и другие интересы. Он садился на автобус, ехал на Флит-стрит и выходил на остановке прямо перед Центральным уголовным судом. Это учреждение Хичкок очень любил. Много лет спустя он мог нарисовать точный план здания. Его привлекали судебные процессы над убийцами, и особенно над убийцами женщин. Хичкок собрал целую библиотеку из описаний уголовных дел и детективных романов, а также как минимум один раз посетил музей криминалистики при Скотленд-Ярде. «Меня всегда завораживали преступления, — писал он. — Думаю, это чисто английская проблема». Даже в зрелые годы он с особым удовольствием читал протоколы судебных заседаний по громким уголовным делам. Одним из таких эпизодов был допрос известного серийного убийцы Джона Кристи на процессе, состоявшемся в 1953 г. Судья задавал уточняющие вопросы.

С у д ь я. И вы ее убили.

К р и с т и. Да, ваша честь.

С у д ь я. И кроме того, изнасиловали?

К р и с т и. Думаю, да, ваша честь.

С у д ь я. До смерти, во время или после?

К р и с т и. Во время, ваша честь.

Судебный процесс над убийцей, которого Хичкок назвал «этим восхитительным Кристи», настолько захватил воображение режиссера, что в 1972 г. он использовал его историю в фильме «Иступление» (Frenzy).

В зрелом возрасте он признавался, что ему понравилось бы выступать в роли обвинителя или строгого судьи. Но Хичкок никогда в жизни не хотел стать полицейским. Таким образом, интерес к преступлениям можно рассматривать как часть его увлечения театром. Вместе с родителями он ездил в Уэст-Энд и смотрел новейшие пьесы. По свидетельству его уполномоченного биографа, Джона Рассела Тейлора, Хичкок мог часами с удовольствием обсуждать театральный мир своего детства, «о котором... обладал энциклопедическими знаниями и в отношении которого испытывал необыкновенный энтузиазм». В работах Хичкока чувствуется явная и глубокая театральность. В основу некоторых фильмов, например «Веревка» (Rope) и «Убийство!» (Murder!), легли театральные пьесы, а главные сцены многих других в буквальном смысле поставлены на сцене, когда камера просто движется за авансценой. В воображении Хичкока театр и кинематограф тесно переплетались — наследие тех дней, когда они были неразрывно связаны и фильмы часто демонстрировали в театрах.

Хичкок ушел из школы в тринадцать лет; считалось, что в этом возрасте ребенок готов выбирать профессию для дальнейшей жизни. Он сказал родителям, что хочет быть инженером — необыкновенно надежная и подходящая карьера, — и его определили в Лондонскую инженерно-навигационную школу, которая находилась на Поплар-Хай-стрит; там подросток изучал механику и акустику, а также изготавливал рабочие чертежи разнообразных механизмов. Закончив обучение, Хичкок нашел работу в W. T. Henley's Telegraph Works Company Limited на Блумфилд-стрит у Лондонской стены в Сити. Это была главная контора компании, которая специализировалась на производстве изолированных проводов и кабелей и в тот период особый интерес проявляла к подводным кабелям и другим средствам защищенной от бомб связи.

Хичкок был младшим техником в отделе продаж. Его обязанности заключались в «технической оценке» размера и рабочего напряжения электрических кабелей. По его собственному свидетельству, он часто бездельничал и на его столе скапливалась груда образцов, пока у него не оставалось выбора, кроме как заняться ими; потом, как он сам вспоминал, работать приходилось очень быстро. Правильность выбора инженерного дела в качестве надежной профессии подтвердилась через месяц после того, как Хичкок поступил на работу, когда от хронической эмфиземы умер его отец. Управление рыбными магазинами перешло к старшему брату, а Хичкок с матерью остались жить на втором этаже дома номер 175 по Салмон-лейн, откуда Хичкок ездил на работу в Сити. Согласно некоторым неподтвержденным сведениям, мать и сын вернулись в Лейтонстоун.

Во время Первой мировой войны и Лейтонстоун, и Лаймхаус подвергались интенсивным бомбардировкам. У такого впечатлительного молодого человека, как Хичкок, регулярно обрушивавшийся с неба ужас должен был вызвать глубочайший шок; это было грубое нарушение основ, установленного в мире порядка. В начале 1915 г. в небе над Лейтонстоуном можно было увидеть немецкие дирижабли. Лаймхаус и берега реки были главной целью немецкой авиации; особенно сильно пострадал район Поплар. В Ирландском море обнаружили немецкие подводные лодки, и по всей стране ползли слухи о саботаже и саботажниках. В некоторых ранних фильмах Хичкока передается эта атмосфера паники и даже истерии. Это ощущение осталось с ним на всю жизнь. Память о первых ночных бомбардировках проявилась на съемках «Птиц» (The Birds), когда птицы атаковали осажденный дом Бреннеров. «Бомбы падают, пулеметы бешено строчат! — говорил он. — Ты не знаешь, куда бежать! Выхода нет! Ты в ловушке!»

Тем не менее в самых последних интервью Хичкок старался подавлять воспоминания об ужасе, который он должен был тогда испытывать, и переводил разговор на трагикомические моменты войны, связанные с его матерью. Однажды вечером, когда он вернулся с работы, рядом с домом разорвался артиллерий-

ский снаряд. Хичкок бросился в спальню матери и увидел, что она пытается натянуть на себя одежду поверх ночной рубашки. В другой раз, вспоминал он, во время воздушного налета «моя бедная матушка в отчаянии молилась, а за окном вокруг освещенного лучами прожекторов дирижабля рвались шрапнельные снаряды». В третьем рассказе Хичкок вместе с матерью прятался от обстрела под столом, а она, стоя на коленях, непрерывно крестилась».

В возрасте шестнадцати лет Хичкок познакомился с жизнью и творчеством Эдгара Аллана По. «Я испытывал к нему сильнейшую жалость, — отмечал он, — потому что, несмотря на весь свой талант, он был несчастен». Детство По было наполнено страхом и трепетом; он был чувствительным мальчиком, остро реагирующим на любое оскорбление, и в результате вырос замкнутым и необщительным. Став взрослым, По неизменно одевался в черное, а его жизнь была похожа на ритуал; с помощью формальных ограничений он пытался обуздать мучения и страдания своей болезненной психики. В то же время По испытывал постоянную потребность в женской любви и защите; некоторых женщин он просто обожествлял, что имело катастрофические последствия. Несчастливая жизнь Эдгара По произвела глубокое впечатление на Хичкока.

Он начал читать рассказы По. В рассказе «Колодец и маятник» жертва, имени которой мы так и не узнаем, сначала видит белые губы судей, произносящие приговор Судьбы. Потом его понесли вниз — по бесконечным ступеням — в каменную темницу, к центру которой спускается огромный колодец. Это мир всепроникающего страха и угрозы. Героя без какой-либо причины поместили в наполненное ужасом замкнутое пространство. Он ни в чем не виноват, но его наказали. Ему кажется, что за его страданиями откуда-то из темноты наблюдает невидимая публика — с интересом и даже с наслаждением.

Затем он с ужасом замечает маятник в форме громадного серпа, который медленно, но неумолимо опускается на него; он слышит свист разрезаемого воздуха, чувствует запах остро отточенной стали, когда лезвие разрезает его балахон. Оно стано-

вится символом отчаяния. Но затем вдруг появляются враги его мучителей и освобождают его. Был ли это сон? И что он значил? По тщательно рассчитывал и планировал свои рассказы, чтобы создать сюрреалистическую логику тревоги и страха; его произведения наполнены двусмысленностями и саморазрушением, вызванным «демоном извращенности», идеализированными героинями и главными героями, которые боялись чужого взгляда. Об этом мире По размышлял Хичкок. Сорок пять лет спустя он писал: «Я невольно сравниваю то, что пытался выразить в фильмах, с тем, что Эдгар Аллан По выразил в своих рассказах».

В семнадцать лет Хичкок записался в кадетский полк инженерных войск. Вместе с другими молодыми работниками компании Henley's он посещал вечерние занятия, а по выходным проходили марш-броски и занятия по строевой подготовке. Разумеется, с военной точки зрения это было бесполезно, но Хичкока нельзя было обвинить в отсутствии патриотизма. В 1917 г. он вступил в призывной возраст, но в армию его не взяли, зачислив в категорию «С3»: вследствие излишнего веса или некоей неназванной болезни он попал в группу «не имеющих органических заболеваний» и годных «к службе в гарнизонах внутри страны». Хичкок мог выполнять сидячую работу повара или кладовщика, но ему повезло — война заканчивалась, и его услуги не понадобились.

Как бы то ни было, Хичкок нашел себе более приятную сидячую работу, записавшись на вечерние курсы на факультет искусств Голдсмитского колледжа, входившего в состав Лондонского университета. Там он мог совершенствоваться как чертежник и удовлетворять растущую тягу к искусству. Ему давали задания делать зарисовки людей и зданий, обращая особое внимание на свет и тени. Позже он объяснял своему коллеге, режиссеру Франсуа Трюффо: «Первое, что я уяснил себе в Школе искусств, — это то, что не существует линий, есть только свет и тень». Фигуру образуют свет и тьма.

Преподаватели также поощряли походы в многочисленные музеи и картинные галереи в поисках работы, способной вдохновить студента, и, разбогатев, Хичкок приобрел картины Дюфи, Ут-

рилло, Руо, Сикерта и Клее. По словам его дочери, Патриции Хичкок О'Коннел, он ценил нефигуративное искусство, если оно было приятно глазу, но оставался безразличен к символике или к глубинному смыслу.

Занятия в художественной школе не остались незамеченными его начальством в компании Henley's, и в 1919 г. его перевели из отдела продаж в рекламный отдел. Там Хичкок научился разрабатывать макеты рекламных материалов и сочинять для них текст; он иллюстрировал и редактировал брошюры. Теперь его сильной стороной стали реклама и публичность. Успехи сделали его уверенным в себе — он больше не был стеснительным и одиноким школьником. Сохранилась его фотография на кораблике, среди компании, отдыхающей на Темзе; на нем соломенная шляпа и двубортный костюм, и он курит сигарету. Хичкок уже был известен своими «дурачествами», непрерывным потоком шуток и юмора. Он организовал футбольный клуб Henley's, играл в бильярд. Вероятно, именно в этот период он брал уроки танцев в Институте Криплгейт на Голден-лейн.

В 1919 г. Хичкок основал и стал редактором журнала Henley Telegraph, который продавался сотрудникам компании за три пенса. Как и большинство редакторов малотиражных изданий, он был вынужден писать часть материалов сам, и в первом номере газеты за июнь 1919 г. появился любопытный рассказ. «Газ» написан в стиле гран-гиньол, и в нем ощущается сильное влияние По, а также Саки. Возможно, Хичкок, сам того не сознавая, стремился походить на «жирного парня» из «Посмертных записок Пиквикского клуба»: «Я хочу, чтобы у вас мурашки по спине забегали». Рассказ демонстрирует мрачное воображение и чувство юмора, которыми обладал Хичкок. В других выпусках маленького журнала были напечатаны еще шесть его рассказов, представлявшие собой смесь пародии, комедии и мелодрамы. Эти качества сразу же стали очевидны в его первой работе в кино.

По признанию самого Хичкока, в этом возрасте он уже был не только толстым, но и честолюбивым: возможно, честолюбие объяснялось именно излишним весом. Он всегда стеснялся своей

полноты. Хичкок не очень дорожил работой в компании Henley's; похоже, он был слишком беспечным и небрежно относился к документации. Это было не его призвание. Теперь он уже утратил интерес к рекламе, и его не устраивало жалование в размере пятнадцати шиллингов в неделю.

Хичкок внимательно следил за изданиями, посвященными кино, и вскоре узнал, что компания Famous Players-Lasky собирается открыть студию на Пул-стрит в районе Ислингтон в Северном Лондоне. Эта компания поставляла фильмы для Paramount Pictures. После открытия лондонского отделения — оно называлось Famous Players-Lasky British Producers Limited — в газетах были помещены объявления о наборе работников разных специальностей, в том числе «дизайнеров титров», которые писали и иллюстрировали титры к немым фильмам. Это был шанс для Хичкока, который два года сочинял и иллюстрировал рекламу в компании Henley's.

Он выяснил, что для своего первого фильма студия Famous Players-Lasky выбрала книгу Марии Корелли «Скорбь Сатаны» (The Sorrows of Satan). Хичкок прочел роман и с помощью своих коллег из отдела рекламы сочинил серию декораций и титров к будущему фильму. Кроме того, он составил портфолио из своих последних работ в Henley's и пришел со всем этим в студию на Пул-стрит. Там его ждал неприятный сюрприз. «Скорбь Сатаны» отвергли; вместо нее студия приняла в производство два других фильма, «Великий день» (The Great Day) и «Зов юности» (The Call of Youth).

Именно в этот момент проявились настойчивость и энергия Хичкока. Он тут же приступил к работе над wybranными фильмами и через пару дней явился на Пул-стрит с новым материалом. Скорость работы и явный талант молодого человека произвели впечатление на руководство студии, и его взяли внештатным сотрудником, поручив разработку макетов и рисунков. Хичкок работал одновременно в двух местах: для кинокомпании и в отделе рекламы Henley's; по всей видимости, он отдавал часть дополнительного заработка своему непосредственному начальнику, чтобы тот позволял ему работать над фильмом.

Упорство Хичкока принесло плоды, и в конце апреля 1921 г. его приняли на работу в Famous Players-Lasky. Корпоративный журнал Henley Telegraph так писал о его увольнении: «Он ушел в кинобизнес, но не как актер, что первым приходит в голову, а как начальник отдела титров одной из крупнейших англо-американских киностудий. Мы, конечно, будем скучать по нему, но желаем всяческих успехов». Успехи оказались большими, чем кто-либо в то время мог предположить.

2

Я ЭТО СДЕЛАЮ

Писателя и журналиста Томаса Берка пригласили посетить недавно открытую киностудию в Ислингтоне. В своей статье, озаглавленной «На улицах страны Кино» он отмечал, что это «демонтированная электростанция, громадный сарай, в котором, несмотря на теплый день, было невероятно холодно». В помещении «под высокими потолками гуляло эхо, а по полу вились толстые осветительные кабели». Вдоль стен были расставлены маленькие островки декораций, и возле некоторых ждали сигнала актеры. Немые фильмы не требовали записи звука, и поэтому несколько сцен снимались одновременно.

Камера и оператор располагались перед сценической площадкой, рядом с более массивным фотоаппаратом. Рядом сидел ассистент режиссера и делал пометки в блокноте. Берк слышал шум и крики, но «единственным постоянным звуком было шипение дуговых ламп». Затем раздался голос режиссера или продюсера. «Мы должны это повторить, мисс Гвин. Вот так, понимаете». Прозвучали странные фразы: «Зачеркни», «Убей это», «Диафрагма». Потом послышался крик: «Зажигайте их!» Режиссер взял микрофон и ровным, спокойным голосом принялся отдавать команды. «Камера. Дворецкий, пошел. Теперь детектив. Теперь горничная... Хватай его правую руку... Коленом в спину... Наклони его... Бо-

ритесь... Удерживай. Отлично!» Снова раздался крик: «Выключить освещение!» Сцена была снята.

Продюсер подозвал к себе помощников, и они принялись что-то обсуждать; фотографы делали снимки самых напряженных моментов. Берк заметил, что все курили, несмотря на многочисленные таблички «Не курить». Когда актеры поднялись наверх в буфет, чтобы перекусить, он также обратил внимание на необыкновенную демократичность отношений — молодой электрик сидел рядом со звездой экрана, а курьер — рядом с продюсером. Берк почувствовал, что всем участникам был «чрезвычайно интересен» новый процесс съемок фильмов.

Так начинался мир, в котором Альфред Хичкок оставался до конца жизни.

Знаменитая кинокомпания Players-Lasky была американской, и значительную часть персонала студии составляли американцы; на самом деле это были две большие студии, одна на втором этаже, а другая на первом, заполненные, как писала газета *The Times*, «самым современным оборудованием из Соединенных Штатов». Сквозь крышу просачивался лондонский туман — вечная угроза. Поначалу Альфреду Хичкоку поручили разрабатывать карточки для титров уже снимавшихся фильмов. Они имели практическое назначение — указывали зрителям на действие и на персонажей. Хичкок научился совместно работать со сценаристами студии, как правило, американцами. Однажды он сказал, что искусству кинематографии его обучали «американки средних лет», работавшие на Пул-стрит. Под их руководством Хичкок научился писать сценарии. Кроме того, он понял, что можно изменить атмосферу или смысл фильма при помощи новых карточек с титрами и таким способом спасти самую провальную картину. Он писал титры для таких фильмов, как романтическая «Таинственная дорога» (*The Mystery Road*), а также ныне утерянные «Опасные обманы» (*Dangerous Lies*).

В этой обстановке он познакомился с женщиной, которая будет рядом с ним на протяжении всей его жизни и карьеры. Альма Ревиль, родившаяся в один год с Хичкоком, но на день позже,

уже была профессионалом киноиндустрии. В шестнадцать лет девушка пришла работать в компанию London Film Company на Twickenham Studios, которая находилась неподалеку от ее дома. Она стала монтажником, ловким и умелым. В статье, написанной в начале 1923 г. для журнала Motion Picture News, она отмечала, что «искусство монтажа — это Искусство с большой буквы», и подчеркивала значение плавной смены кадров и осторожного использования крупного плана. Ее квалификация была настолько велика, что руководство Twickenham Studios повысило ее до директора съемочного павильона, а затем и до второго помощника режиссера. Это была молодая профессия. Будь Альма Ревиль мужчиной, она быстро обошла бы Хичкока. В том же году, что и Хичкок, в 1921, она пришла работать на студию Famous Players-Lasky в Инсингтоне в качестве монтажника и второго помощника режиссера.

Первые два года они были практически незнакомы; амбициозный и целеустремленный, Хичкок не обращал почти никакого внимания на противоположный пол. Альма вспоминала полного молодого человека, который невозмутимо шествовал по съемочному павильону с карточками титров под мышкой. Присмотревшись повнимательнее, Хичкок увидел бы миниатюрную девушку полтора метра ростом, рыжеволосую, хорошенькую, энергичную, компетентную и всецело преданную волнующему делу кинопроизводства.

Студия Famous Players-Lasky в Инсингтоне просуществовала недолго. Англо-американское сотрудничество не заладилось. Такие фильмы, как «Три живых привидения» (Three Live Ghosts) и «Бу-меранг любви» (Love's Boomerang), не пользовались популярностью у английского зрителя, особенно по сравнению с настоящей американской продукцией таких студий, как Goldwyn Pictures и Universal Pictures из Голливуда. Альме пришлось покинуть студию в Инсингтоне, и в журнале Motion Picture News появилось объявление: «Альма Ревиль, сценарист, рассталась с Famous Lasky... и теперь свободна и готова рассмотреть предложения». Islington Studios стали сдавать в аренду, и Хичкок остался в ней мастером на все руки, но он мечтал о большем.

Научно-популярное издание

ПИТЕР АКРОЙД
АЛЬФРЕД ХИЧКОК

Редактор А. Райская

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры Н. Соколова, Т. Дмитриева

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

В оформлении обложки использована иллюстрация

© ullstein bild/Vostock-photo

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 6-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 10.10.2016. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Доп. тираж 1000 экз.
В-PRS-19034-02-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru